

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ ЧИТАЙТЕ:

Н. РЕЙМЕРС, А. ГОЛЕНЦОВ

ДРЕВО ЖИЗНИ

АВТОРЫ РАССКАЗЫВАЮТ

О ПРОБЛЕМАХ

АРХЕОЛОГИИ

И ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

ЧЕЛОВЕК **ЗНАНИЕ** НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ И ПРИРОДА

8

1983

ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

ФАКУЛЬТЕТ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО С 1975 ГОДА

8/83

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

В этом выпуске
читайте:

Н. РЕЙМЕРС,
А. ГОЛЕНЦОВ

ДРЕВО ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1983

На вопросы отвечает старший научный сотрудник Института этнографии имени Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, доктор исторических наук Владимир Рафаилович КАБО

АРХЕОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ.

У истоков неолитического природопользования

— Около 10 тысяч лет назад, впервые в истории человечества, совершался коренной переворот в практике использования природной среды и других природных ресурсов, обусловленный становлением экономики производящего типа. Переход от присвоения «готовых продуктов природы» к земледелию и скотоводству, принципиально изменивший характер взаимодействия человека и природы, все стороны жизни человечества, получил название неолитической революции.

Об этом явлении, лежащем в основе всего дальнейшего развития человечества, его социально-экономической и культурной истории, свидетельствуют прежде всего ископаемые памятники материальной культуры, остатки древнейших культурных растений, костей одомашненных животных, открытия которых становятся все многочисленнее благодаря расширению археологических, а также палеоботанических и палеозоологических исследований.

Истоки производящей экономики можно восстановить теперь лишь с помощью археологии, между тем древнейшие следы производственной деятельности сами по себе еще не позволяют создать полной жизни картину взаимодействия общества и природы на ранних этапах человеческой истории. Воссозданием ее занимается целый ряд общественных и естественных наук. В этой связи и возникает вопрос, какие конкретные науки вносят сегодня свой вклад в изучение истории первобытности.

— Понимание закономерностей взаимодействия общества и природы необходимо как для решения экологических проблем, так и связанных с ними проблем социально-экономического развития человечества. И конечно, для того чтобы понять то или иное явление, важно знать, как оно возникло, развивалось. Истоки современной экологической ситуации во взаимодействии общества и природы появились еще на ранних этапах развития человечества, и чтобы выяснить, как складывались эти отношения, требуется комплексный подход в науке, содружество наук, изучающих историю общества и природы.

Историю человечества открывают палеоантропологические и археологические находки в Африке. Новейшие из них показывают, что древность человеческого рода достигает по крайней мере четырех миллионов лет. Археологические памятники — молчаливые свидетели давно ушедшей жизни, и чтобы оживить их — реконструировать общественную жизнь древнейшего прошлого, — используются этнографические наблюдения, однако и самый архаичный тип общественного развития, известный этнографам, не является наиболее ранним его этапом. Вместе с тем имеется категория памятников, позволяющих раскрыть образ жизни людей прошлого с доступной археологам полнотой, — это древние жилища и поселения, которые помогают этнографам, историкам понять начальные этапы эволюции первобытной общины, ее жизнь в различных экологических условиях. Вот почему, когда ставится, например, вопрос о том, каких конкретных формах выражалось само взаимодействие человека с природой в эпоху первобытности, взаимодействие археологии с этнографией приобретает особую важность.

Для воссоздания прошлого требуются данные и такие наук, как палеогеография, геология и палеонтология, антропология, объединяющая методы естественных и общественных наук. Развивается и современный экологический подход в археологии и этнографии, появился целый ряд смежных направлений, например, палеозтноботаника, археологическая лингвистика, этноархеология...

— Как по данным археологии и этнографии рисуется историческая картина неолитической революции? Каковы были основные этапы и пути становления производящей экономики?

— Прежде всего следует подчеркнуть, что переход к производящей экономике привел к последствиям поистине революционного значения: образованию классового общества, частной собственности и государства. Дело в том, что полное развитие этих явлений возможно лишь на основе производящей экономики, появление которой и было их предпосылкой, а это означало и превращение первобытной (доземледельческой) общины раннеземледельческую.

Эпоха первобытнообщинного строя охватила такие различные ступени социально-экономического и культурного развития, как период охоты и собирательства, который по археологической периодизации занял весь палеолит и почти весь мезолит и в настоящее время свойствен некоторым племенам Австралии и других континентов; далее — период раннего земледелия палочко-мотыжного (археологически — поздний мезолит неолит), сохранившегося и у современных народов Новой Гвинеи, Меланезии, обширных областей Африки, Америки, Азии; наконец, отчасти — период развитого плужного земледелия.

и скотоводства (археологически — начало эпохи металлов), известный в наши дни у некоторых народов Азии и Африки.

В этой связи сочетание данных археологии и этнографии позволяет более полно осветить неолитическую революцию — одну из величайших в истории человечества, от едва заметных сдвигов в хозяйственной деятельности первобытных охотников, рыболовов, собирателей — до коренного преобразования социально-экономического устройства первобытного общества: археология помогает выявить основные этапы этого процесса, а этнография дает в руки исследователей материал для моделирования социальной структуры общества на разных уровнях ее развития, в различных общественно-исторических и естественно-географических условиях.

Становление производящей экономики ведет свое начало еще с палеолита, продолжаясь в мезолите и затем в неолите, так как истоки ее скрыты в экономике присваивающего типа. Это был длительный и сложный процесс, растянувшийся на тысячелетия, что вполне соответствовало темпам социально-экономического и культурного развития, свойственным первобытной эпохе.

Так, например, в Новом Свете, в Центральной Америке, высокая цивилизация которой, как показывают открытия археологов, обязана своим происхождением не мифическим жителям Атлантиды или пришельцам из космоса, а медленному, постепенному и непрерывному развитию из первобытного состояния, вся эпоха становления производящей экономики длилась 3—4 тысячелетия (от VII до конца III тысячелетия). Что касается расцвета этой цивилизации (период с I тысячелетия до нашей эры — I тысячелетие нашей эры), то он был обусловлен именно земледелием, в отличие от Старого Света, где с самого возникновения производящего хозяйства большую роль играло и скотоводство, а набор культурных растений был менее широк.

В Старом Свете также 3—4 тысячелетия длилась эпоха полупастушеского, полупастушеского хозяйства при значительной роли охоты и собирательства — в Передней Азии. Здесь как бы у самого порога производящей экономики стояли охотники и собиратели региона Шанидар (X—VIII тысячелетия), натуфийцы Палестины и Иордании (X—IX тысячелетия). Раннеземледельческие общины, аналогичные обнаруженным в Средней Азии (Джейтун), открыты в Иерихоне (VII—VI тысячелетия) в Эриду (Шумер, V тысячелетие) и в ряде других мест. На основе комплексной экономики охотников, собирателей и земледельцев складывалась и оседлоземледельческая культура Чатал-Гуюка (VII—VI тысячелетия).

Производящее хозяйство в Индокитае зародилось не позднее чем в Передней Азии, и становление его заняло период

такого же порядка. Свидетельство тому и раскопки в Пещере Духов на севере Таиланда в Юго-Восточной Азии, позволившие проследить постепенный переход от охоты и собирательства к раннему земледелию с X по VI тысячелетия. Примечательно совпадение во времени начальных этапов развития новой экономики в трех таких удаленных друг от друга областях земного шара!

В Европе раннее земледелие, как и во многих других частях света, сначала имело, вероятно, вспомогательный характер, но со временем, развиваясь, оно преобразовало весь образ жизни местного населения, а соответственно и его общественную структуру. Переход к преобладанию производящей экономики занял здесь в целом около 3 тысяч лет.

В частности, раскопки неолитического земледельческого поселения Кельн-Линденталь, на берегу Рейна, показывают, что обитатели его только навещали первоначально к полям — для разрыхления земли, посева, сбора урожая, возле которых возводились и амбары для хранения зерна. Временные хижины (полуземлянки) появились здесь позднее, и только со временем переселилась сюда и вся община (численностью до 200 человек).

В Центральной Европе (дунайские племена) — перед нами типичная картина раннего полукочевого земледелия, социально-экономические основы которого во многом близки еще предшествующей стадии, основанной на хозяйстве присваивающего типа. Поле, кочующее из года в год (швенде) на территории общины, — начальная форма земледелия в Скандинавии, а в Юго-Восточной Европе (Триполи) на ранних этапах земледелия скотоводство сочетались с охотой, которая, как в Передней Средней Азии или в Центральной Америке, играла еще значительную роль.

Пионерами производящего хозяйства стали раннеземледельческие и раннескотоводческие общества (хотя нередко становление земледелия и животноводства было тесно связанным процессом, совершавшимся внутри одних и тех же обществ) населявшие зоны с особенно благоприятными для культивации растений и domestikации животных условиями, и, как установил выдающийся ученый Н. Вавилов, главные очаги мирового земледелия находились в горных тропических и субтропических зонах. Им было выделено семь основных центров: пять в Старом Свете (южноазиатский, восточноазиатский, юго-западноазиатский, средиземноморский и эфиопский), а два в Новом Свете (центрально-американский и андийский). Приледниковая Европа испытала, вероятно, кризис присваивающего хозяйства вследствие экологических потрясений и, возможно, восприняла элементы производящего хозяйства из западноазиатского

Передней Азии («вавилонского» юго-западноазиатского) центра...

— В этом отношении, ведь Австралия так и осталась «пятым» континентом? Аборигены не стали земледельцами...

— Да, они не приступили к систематическому возделыванию почвы и культивации растений, но, являясь классическим примером охотников и собирателей эпохи мезолита — сохранившись на этом уровне развития культуры, фактически подошли к производящему хозяйству.

Об этом свидетельствуют, например, искусственные каналы, достигавшие километровой длины, которые они создавали еще до колонизации, примитивные ирригационные сооружения, искусственные водоемы, оросительные плотины — для предотвращения усыхания местности в засушливые сезоны, для произрастания полезных растений, наконец, для привлечения рыбы, птиц и других животных — объектов охоты. Засвидетельствовано и высаживание ямса и других растений в различных районах континента. И хотя эпизодические посадки дикорастущих растений австралийцами, так же как семангами полуострова Малакка и сеноями, — это только первые робкие шаги, все же они находятся у истоков производящей экономики: ведь человек стал культивировать растения, уже будучи собирателем.

Аборигенам, как известно, свойственно умение ухаживать за растениями, они занимаются сбором урожая в те или иные сезоны, владеют и разнообразными приемами обезвреживания ядовитых растений, обработки продуктов для приготовления пищи, наконец, пекут и лепешки, но так и не перешли к обработке земли, не сажают растения и не сеют. И причина не в том, что известные им растения не пригодны для культивирования. Например, в Северной Австралии произрастают те же клубнеплоды, которые издавна выращиваются в сходных природных условиях на Новой Гвинее, более того, на протяжении последних столетий существовали регулярные контакты аборигенов с земледельцами этого острова так же, как и Индонезии, причем австралийцы ведь заимствовали ряд культурных достижений своих более развитых соседей. Причина была в другом: они уже были на пути к производящей экономике, но дальнейшее естественное развитие этого процесса нарушила колонизация.

Между тем продуктивное присваивающее хозяйство может на протяжении многих поколений воспроизводить себя, так и не сделав решительного шага в сторону производящих форм хозяйства. Конечно, многие охотники и собиратели, населяющие области с экстремальными экологическими условиями, страдают от периодического голода, но для большинства доземледельческих обществ потребности людей, как правило, удовлетворяют-

ся находящимися в их распоряжении производительными силами, даже весьма примитивными. Мнение о том, что первобытные люди владели жалкое, полуголодное существование в вечных поисках пищи и борьбе с природой, является преувеличением, более того, хотя условия, в которых жили палеолитические общества были различными по своей «равноценности» в этом смысле, в целом они могли бы показаться более благоприятными современным охотникам и собирателям.

Этнография располагает обширными наблюдениями общества, находящегося как бы на рубеже присваивающего и производящего хозяйства, уже не вполне охотников, рыболовов, собирателей, но еще не всецело земледельцев или скотоводов. Эти материалы являются своего рода живой иллюстрацией совершавшегося в истории процесса перехода от присваивающей экономики к производящей, где исследователь сталкивается то с началом, то с серединой, то с концом его. И в наше время в хозяйстве тех или иных племен, в зависимости от времени года, например, основную роль играют либо охота и собирательство, либо земледелие. Были и существуют народы-земледельцы, у которых предшествующие производящему формы хозяйства играют еще значительную роль, а древнейшие формы земледелия сочетаются с охотой, собирательством, рыболовством. Наконец, существуют и такие формы хозяйства, которые находятся как бы между охотой и скотоводством — некоторые группы ченчу в Индии, например, живут главным образом за счет охоты и собирательства, хотя и переняли у соседей домашних животных...

— Судя по археологическим находкам, переход к производящей экономике, в частности к земледелию, был связан и с успехами в технологическом развитии...

— Существует мнение, может быть и несколько преувеличенное, что человек создал культурные растения еще в эпоху собирательства в результате непреднамеренного «докультурного отбора» (по выражению Ю. Новикова). Так или иначе, но технической основой усложненного собирательства была зернотерка. Другие предпосылки развития таковы: появление (впервые в палеолите) мотыги и отшлифованных топоров, с которых началось подсечно-огневое земледелие. Палочно-мотыжная техника, один из самых ранних способов обработки земли, возникшая еще в палеолите, была тесно связана с собирательством. Предшественники серпов — жатвенные ножи — существовали уже также на стадии собирательства в мезолите.

Однако ни зернотерка, ни мотыга, ни отшлифованный топор, ни жатвенный нож сами по себе не совершили неолитической революции! И аборигены Австралии обладали зернотеркой и отшлифованным топором в течение многих тысячелетий, но

это были орудия присваивающего хозяйства, так же как и имевшаяся у них ирригация.

Техника — лишь предпосылка, условие переворота, но не активный его двигатель. Движущей силой, активной, как и во все эпохи, являются сами люди, а точнее, общество, которое и в случае заимствования достижений культуры должно быть подготовлено к восприятию нового — достичь известного уровня развития. «Зачем нам выращивать растения, когда в мире так много орехов монгонго?» — ответили однажды бушмены на вопрос о причине отсутствия у них земледелия. Пример этот говорит сам за себя.

В истории первобытности человечества активный, сознательный поиск принципиально новых путей освоения экологической среды возникает с кризисом присваивающего хозяйства, наступающим под влиянием целого ряда факторов, таких, как резкое изменение природных условий на обширных пространствах земного шара (как это имело место в конце плейстоцена) в силу естественных причин, либо в результате хозяйственной деятельности человека (например, истребление крупных травоядных животных), под влиянием демографических сдвигов, либо же общество должно испытать своего рода мощный толчок в виде влияния извне, со стороны более развитых цивилизаций.

Если всего этого не происходит, то техника хорошо вписывается в традиционную общественно-экономическую систему, так и оставаясь на уровне предпосылки производящего хозяйства, что и случилось у австралийцев. Ведь кризиса присваивающего хозяйства они не испытывали, а стимулов заимствовать земледелие у папуасов или индонезийцев у них не оказалось. Вот почему перед ними и лежал путь постепенного становления производящего хозяйства на стадии высокоразвитого присваивающего, которым пришли охотники-собиратели западноазиатских и ряда других первобытных обществ впервые.

Это был медленный, постепенный процесс, когда количественное накопление новых явлений превращается в новое качество, в котором и предстают первые, еще неуверенные опыты производящего хозяйства. Качество это появляется именно как результат развития взаимоотношений общества с природой.

— И все же как человек поставил себя в центр этих взаимоотношений? В чем, с Вашей точки зрения, заключалось активное начало человека в его взаимоотношениях с природой в эпоху первобытности!

— Активное начало человека в природе выражается прежде всего в творческом характере его приспособления (адаптации) к окружающей среде, а это принципиально отличает его отношение к природе от поведения других живых существ, и

как мы знаем, отношение первобытного человека к природе уже включало в себя сферу гносеологическую — обширную область познания окружающего мира, Земли и Космоса.

Человек является производящим по своей социальной сути, и в производстве заключено главное отличие человеческого общества от сообществ животных. Не случайно устарело представление о том, что первобытные охотники и собиратели лишь пассивно приспосабливаются к природе, не внося ничего нового, а пользуясь только готовыми ее дарами. Ведь, по существу, и земледелие не было «изобретено» — человек начал культивировать растения еще на стадии присваивающей экономики, то же относится и к domestикации некоторых видов животных. Вот почему и «чисто присваивающего» хозяйства в строгом смысле слова этого не было никогда.

Задолго до земледелия, с которым мы привыкли связывать появление «очеловеченного» (антропогенного) ландшафта, стихийно создавалась новая, искусственная среда — дело воли и рук человека. Самые ранние следы жилищ и кратковременные стойбища охотников обнаружены в Олдувайском ущелье, на границе Танзании и Кении, причем возраст древнейшего в мире бесспорного жилища (с вымосткой из кусков лавы — кольцеобразной, с ограждением, по-видимому, из камней) датируется 1,75 миллиона лет. А, как известно, поселения и жилища с самого своего возникновения являлись главными центрами производственной, бытовой, общественной и духовной жизни. И конечно, продолжительная жизнь в тесном общении предполагала развитие социальных связей, дальнейшую консолидацию первобытных коллективов...

— Как складывалось активное приспособление человека к среде в его взаимоотношениях с природой на начальных этапах развития общества?

— Надо сказать, что картина становления и развития первобытной общины начинает вырисовываться уже в археологии палеолита, в последующих же эпохах (мезолита, неолита) начинается период истории, документированный и многочисленными этнографическими материалами.

У истоков человеческого общества, уже в Африке, перед взором исследователя предстали жилые комплексы, набор разнообразных каменных орудий — результаты организованного труда, пространственное расчленение которого, например изготовление каменных орудий за пределами стоянок охотников, в мастерских, появилось еще в раннем палеолите.

Европу охотники на крупных животных, владевшие огнем и изготовлявшие раннепалеолитические каменные орудия (ашельского типа), населяли в период плейстоцена (от 700 тысяч до 80 тысяч лет назад). И судя по поселениям в Терра-Амата

(Ницца, около 380 тысяч лет), бродячие охотники и собиратели побережья Средиземного моря сооружали здесь на дюнах жилища, охотились на слонов, били рыбу, собирали моллюсков. Это были сезонные стойбища — человек уходил охотиться на другие территории, чтобы вновь вернуться сюда через год, в конце весны — начале лета, а прежнюю хижину заносило песком, и на ее месте снова сооружалась такая же. Наоборот, зимнее жилище покидали с наступлением теплых весенних дней в предпоследнем (рисском) ледниковом периоде сезонно-оседлые обитатели пещеры в гроте Лазаре (Ницца, 200 тысяч лет), оставляя на страже перед входом в него череп волка. Сооруженная в пещере на каркасе из столбов с помощью шкур, хижина эта площадью 35 квадратных метров выглядит помещением для отдыха в долгие зимние вечера и ночлега 10—15 человек; внутри нее обычно горели два костра. Мастерская же, откуда обитатели грота Лазаре приносили готовые каменные орудия, находилась, возможно, там, где добывалось сырье.

Но вот около 40 тысяч лет назад на территории Европы и Средиземноморья неандертальцев сменили неолиты — люди современного физического типа, носители позднелитических культур, образ жизни которых знаком этнографам по наиболее ранним достоверным исследованиям современных или недавно вымерших первобытных охотничье-собирательских общин, таких, как аборигены Тасмании. Наиболее интенсивно жилища и поселения позднего палеолита изучались на территории нашей страны (например, Костенки на Дону, стоянки Мальта и Буреть в районе Иркутска, Макарово на Верхней Лене, в бассейне Десны — на Украине). И в этот период, по-видимому, в главных чертах уже сформировались все те явления общественного развития, на которых покоится жизнь первобытной общины и которые, в сущности, составляют систему активного приспособления в природе, социально-экономического по своему механизму.

Такая система адаптации к условиям среды включает в себя социальную организацию, материальную культуру (орудия труда, одежда, жилища), наконец, средства религиозного и магического воздействия, причем на ранних этапах социокультурного развития ведущую роль в этой системе играет универсальная структура общественной организации. И это закономерно. Ведь в качестве «первой великой производительной силы», по словам К. Маркса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., том 46, часть 1, с. 485), выступает первобытная община, для которой характерно природное единство с объективными, естественно сложившимися условиями производства. Тем самым община сама опосредствует отношение первобытных людей к природе.

Факты наблюдений охотников и собирателей (бушменов

Калахари в Южной Африке или аборигенов Центральной Австралии, живущих в пустынях, пигмеев Центральной Африки и семангов Юго-Восточной Азии — в тропических лесах, наконец, северных охотников на оленей-карибу и тюленей, так же как и вымерших тасманийцев и населяющих поныне острова близ побережья Индии андаманцев) говорят о том, что в основе хозяйственно-культурного приспособления к самым различным экологическим условиям находится первобытная община — ведущий социально-экономический коллектив первобытного общества, принципы организации которого паразитально единообразны, независимо от естественно-географических условий, окружающей природной среды.

И хотя культура, формы социальной организации, образ жизни древних обитателей приледниковой Европы, ее тундры и холодных степей были, вероятно, отличны от таковых у древних охотников европейских субтропиков Средиземноморья настолько же, насколько различна культура эскимосов и современных аборигенов Калифорнии, единые принципы организации первобытных общин сохранялись в любых условиях природной среды.

Такая универсальность принципов социальной организации позволяла общине стать как бы прочным фундаментом всей системы активной адаптации, социокультурной в своей основе. Благодаря такой универсальности эта система позволила первобытному человеку заселить почти всю планету...

— В чем же конкретно выражаются эти принципы?

Так, например, в процессе экономического освоения территории в определенное время года, когда вести охотничье-собирательское хозяйство составом всей общины неэффективно или невозможно, она распадается на хозяйственные группы, а порою и на отдельные семьи, причем колебания численности этих групп, характер их движения по территории обусловлены хозяйственными интересами, которые в первобытную эпоху находятся в теснейшей зависимости от природных условий. Когда же условия меняются, община вновь воссоединяется в прежнем составе. Повторяемость, цикличность этих колебаний и передвижений закономерно продиктована требованиями хозяйственной деятельности (охотой, собирательством, морским промыслом) и изменениями, происходящими в природе, — увеличением и сокращением продовольственных ресурсов, сменой сезонов, популяционными циклами и миграциями животных, сменой растительных сообществ. При этом размеры хозяйственных групп зависят также и от стабильности местных природных условий, при этом они больше — в более благоприятных и меньше — в менее благоприятных условиях.

Так реализуется один из принципов активной социальной,

а точнее, социально-экономической адаптации общины к природным условиям. Для хозяйственных или «чисто общественных» мероприятий, когда они требуют большого количества участников (например, во время облавных охот, обрядов), появляются временные объединения общин одного племени, а в определенных случаях — и соседних племен, обычно концентрирующихся в определенное время года и в определенных местах. Такие события наблюдались и в тех местах, где в те или иные сезоны года отмечалось изобилие мясной или растительной пищи.

Примечательно, что в общих чертах принципы такой социальной адаптации первобытных общества наблюдаются в Африке, Южной и Северной Америке, в Юго-Восточной и Южной Азии, в Арктике, в Австралии. Но и хозяйственная жизнь раннепалеолитических обитателей, например грота Лазаре (Ницца), как и образ жизни людей из Терра-Амата, были подчинены природному циклизму в процессе становления системы активного приспособления к нему. Так, следы одиннадцати расположенных одна над другой хижин поселения Терры-Аматы — это свидетельство последовательности ежегодных возвращений одной и той же группы, а следовательно, и стабильности социальной структуры и культурных традиций ее, обеспечивавших активное приспособление к экологическим условиям.

С моей точки зрения, особенность активного приспособления общества первобытных охотников и собирателей состояла в том, что, противостоя давлению естественно-географической среды и технически слабо вооруженное, оно опирается главным образом на выработанные тысячелетиями механизмы социокультурной адаптации. Система эта, основанная в культурном отношении на традиции, была устойчивой и стабильной, без чего первобытное общество не смогло бы существовать в любых экологических условиях и передавать свои достижения от поколения к поколению. И в то же время она была исторически динамичной, способной к развитию.

Основным, исходным элементом этой универсальной системы активного приспособления была, очевидно, община как ведущая экономическая ячейка первобытного общества — пластичная, обладающая способностью к перестройкам, реорганизации в конкретных условиях среды. С переходом к земледельческо-скотоводческому производящему хозяйству социальная структура постепенно меняется в ходе развития всей системы активной адаптации общества к природе.

Безусловно, предпосылки производящей экономики не ограничиваются материально-производственной и социальными сферами. Они включают в себя и сферу познания, систему представлений первобытных людей о мире в его становлении и развитии. Роль этой системы представлений состояла в том, что,

организуя общественный опыт, внося известный порядок в хаос явлений, она прежде всего способствовала практическому овладению миром.

В целом мировоззрение первобытного общества проникнуто пафосом связи человека с природой. Вместе с тем восприятие окружающего мира первобытным человеком было отмечено печатью антропоцентризма: в центре природного и социального универсума — всегда человек, с его непосредственным социальным окружением, его община.

Примечательно, что такая тенденция во взаимоотношениях человека и природы находит свое отражение и в первобытной символике, например в формах условного геометрического искусства: если социум изображался в виде замкнутого круга, как бы выражающего его «самственность», то изображение спирали (или лабиринта) связывалось с разомкнутым в бесконечность вечным круговоротом жизни мифологического мира и космоса. Так, в качестве фундаментального символа мира социального и мира природного выступают круг и система концентрических окружностей, оставшиеся в сознании и искусстве многих народов на протяжении тысячелетий. Конечно, первобытное искусство не ограничивалось условными геометрическими композициями, воплощавшими абстрагированные формы вещей и отвлеченные понятия, — они сочетались и с зачатками реалистического отображения явлений окружающего мира.

— Говоря о творческом характере отношения первобытного человека к природе, нельзя не затронуть вопрос о том, какую роль играли знания об окружающей природной среде в жизни первобытного общества. Как развивалось понимание природных взаимосвязей в эпоху становления производящей экономики? Что известно об экологическом сознании первобытных людей?

— Знания, относящиеся к природному окружению, возможностям и способам его использования, — одно из важнейших средств взаимодействия первобытного общества и природы. Такие достижения человека каменного века, как земледелие и одомашнивание животных, гончарство и ткачество, были подготовлены его далекими предшественниками и основывались на длительном наблюдении процессов, происходящих в природе.

Здесь хотелось бы отметить, что археология и этнография дают многочисленные примеры постепенного накопления явлений, ведущих к сознательному, целенаправленному воздействию на природу. Человек начал накапливать систематические знания о растительном и животном мире за десятки тысяч лет до неолитической революции. В ходе освоения территорий активной адаптации к естественно-географическим условиям.

реды, смене сезонов первобытные люди все глубже познавали природную среду, ее особенности, ресурсы.

Более того, накопление знаний об окружающей среде послужило основой и становлению древней медицины: по подсчетам специалистов до 50 процентов видов и форм растений, используемых первобытными племенами, дают желаемые результаты в качестве лекарственных средств. На территории нашей страны врачевание, например в эпоху мезолита и неолита, в некоторых случаях имело, по мнению палеопатолога Д. Рохлина, «изумительный» результат. В те отдаленные времена были известны не только природные лекарственные средства, но и приемы естественной физиотерапии (использование факторов окружающей среды), наконец, психотерапии (во многих случаях терапевтический эффект существовавшей ритуальной практики мог быть сравним с лечением фармакологическими средствами), причем многие народы древности успешно осуществляли хирургические операции на черепа с помощью каменного еще инструмента и известных тогда снадобьев для заживления ран, а ведь это одна из сложнейших операций даже в современных условиях...

— Как время и пространство отражались в экологических представлениях первобытного человека?

— Время и пространство вначале мыслились не как свойство объективного мира, а как неотъемлемые элементы бытия, обусловленного экологической и социальной средой, и нужны были огромные сдвиги в общественном и культурном развитии, чтобы понятия эти стали отвлеченными.

Счет времени был обусловлен экологически, определяясь последовательностью хозяйственно-экологических циклов. Это создавало основу планомерности в хозяйственной деятельности первобытной общины. Передвижение охотников и собирателей в границах определенных территорий, так же как и в определенное время года, не были случайны именно в силу этого порядка.

Ритмическая организация жизни и хозяйственной деятельности первобытного человека соответствовала, таким образом, природным и космическим циклам, и календари, которые появились впервые не менее 30 тысяч лет назад, основывались на наблюдениях за движением небесных светил, сменой сезонов, циклическим развитием растительного и животного мира.

Одновременно с календарями появились и примитивные орудия счета, «счетные таблицы» палеолитического человека, числа и отрезки времени обозначались в них определенными символами. Развивались и рудименты письма, в которых с присущим общественному сознанию первобытной эпохи синкретизмом (нерасчлененностью целого) соединились зарождающая-

ся письменность, искусство и возникающая история. От мнемонических знаков, когда носителями информации были сами живые люди, до пиктографии развитие способов фиксации знаний становится одним из важнейших средств культурного и социального развития охотников и собирателей, а память о прошлом становится условием преемственности и сохранения достижений первобытной культуры...

— Что, с вашей точки зрения, характеризует уровень понимания состояния окружающей среды в эпоху первобытности? Жили ли люди в полной гармонии с природой?

— В эпоху первобытности общество и не было в состоянии полностью противопоставить себя природе. Вместе с тем это не означает, что охотники и собиратели не вносили в нее разрушительных изменений, живя якобы в полной гармонии с окружающей природной средой, принципиально тем самым отличаться от более развитых обществ.

Ведь и с прекращением массовой охоты на крупных травоядных животных, исчезающих как под влиянием климатических сдвигов, так и организованной деятельности человека-охотника, во многом был связан переход от палеолита к мезолиту в Евразии, в Северной и Южной Америке, означавший глубокие перемены в хозяйстве, общественных отношениях в первобытном обществе. В условиях роста мезолитического населения, улучшение техники добывания пищи, совершенствование охоты влекло за собой прогрессирующее истребление дичи, попытки создать более благоприятные условия для охоты например методом «земледелия с горячей головней» для выжигания растительности, нередко сопровождались необратимыми изменениями среды.

В этой связи можно привести такой пример, характерный для экологического сознания первобытного человека. Когда аборигены Тасмании сознательно выжигали на своих охотничьих угодьях старую траву, чтобы обеспечить для кенгуру, на которых они охотились, пастбища со свежей, зеленой травой, они предусмотрительно старались сохранить группы деревьев и небольшие рощи, которые служили бы для животных укрытием.

Такие мероприятия по улучшению пастбищ вновь привлекали в эти места стада кенгуру, что способствовало увеличению их поголовья, и, следовательно, в этом можно усмотреть не только сознательную заботу охотников о поддержании главного источника их мясной пищи на оптимальном уровне, но и доказательство того, что и сохранившимся на уровне позднего палеолита к началу европейской колонизации в XIX веке тасманийцам было свойственно постижение некоторых экологических закономерностей, понимание связи причин и следствий.

отдаленных друг от друга значительным промежутком времени. Вместе с тем с помощью огня они свели целые области влажных лесов, создав условия и для катастрофического усиления эрозии почв. Деятельность их, которую скорее следовало бы считать примитивным животноводством, оказалась в какой-то мере действительно сравнимой с земледелием по своим последствиям для лесной растительности.

Так или иначе, но саванны, появившиеся на выжженной земле, красноречиво свидетельствуют, что человек тогда не мог предвидеть все те отдаленные последствия, которые произойдут в результате использования наиболее эффективного орудия первобытной эпохи — огня.

Беседу вел В. А ЛГУЛЬЯН

